

ЯНТАРЬ

У ФИАЛОК
ЕСТЬ ШИПЫ

Янтарь

У фиалок есть шипы

«Автор»

2026

Янтарь

У фиалок есть шипы / Янтарь — «Автор», 2026

Блистательный Павлобург, столица Рослевии, не прощает слабости. Здесь гранит набережных хранит дворянские тайны, а туман над рекой Навью скрывает чужие грехи. Анастасия Верская пытается начать жизнь заново. Сменив фамилию и истратив последние сбережения, она открывает цветочную лавку «Фиалка». Но прошлое не отпускает: долги отца, разоренные вкладчики, косые взгляды бывших знакомых снова и снова преследуют ее. Ася готова ухватиться за любую возможность на спокойную жизнь, но судьба готовит ей унижение пострашнее клейма дочери каторжанина: придя в доходный дом в качестве просительницы, Ася сталкивается с тем, кого когда-то предала...

© Янтарь, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

У фиалок есть шипы

Глава 1

День выдался на редкость тоскливый, из тех серых, безнадежных павлобургских дней, когда сырость проникает, кажется, в самые кости, а небо, как дырявое ватное одеяло, то там, то здесь раздирают гондолы дирижаблей. За окном моей маленькой лавки моросил мелкий, нудный дождь, и его капли, стекая по мутному стеклу, искажали и без того невеселый вид Малой Речной улицы. Я стояла у прилавка и смотрела, как Феня, моя единственная помощница, тихонько всхлипывает, комкая в грубых, натруженных руках край своего ситцевого платка.

— Феня, голубушка, ты уж прости меня, бога ради, — проговорила я, и голос мой, вопреки стараниям, дрогнул. — Поверь, мне это решение далось не легче, чем тебе.

Феня подняла на меня глаза, полные слез, и в них я увидела не обиду, а искреннее сострадание. Ко мне. Владелице лавки, которая дышит на ладан.

— Да что вы, барышня Анастасия Сергеевна, — запричитала она, шмыгая носом. — Разве ж я не понимаю? Сами знаете, какие времена нынче. А вы Вы всегда ко мне по-человечески, не то что у других... Я плачу не со зла, я от души тоскую, расставаться не в мочь...

Она говорила сбивчиво, и каждое её слово острым ножом резало мне сердце. Я щёлкнула застёжкой-замком и достала из ридикюля те немногие рубли, что отложила для неё, — жалкие гроши, половина месячного жалованья, которое я и так платила ей из последних сил. Протянула ей.

— Вот, возьми. Это твое за этот месяц и немножко сверху. За твои старания и усердие.

Феня замотала головой, отказываясь, и я мягко, но настойчиво вложила деньги в её ладонь. Она ещё немного постояла, кусая губы, словно хотела что-то сказать, но не решалась, а потом вдруг порывисто поклонилась мне в пояс и, быстро засеменив, выскользнула за дверь, звякнувшую колокольчиком. И этот звук, всегда казавшийся мне таким приветливым, сегодня прозвучал похоронным звоном.



Я осталась одна.

Тишина в лавке сделалась какой-то гулкой и зловещей. Я медленно обвела взглядом свое небольшое, но такое милое сердцу хозяйство. «Фиалка» — с какой любовью я выбирала это название, думая о своем любимом скромном цветке! Теперь же оно казалось горькой насмеш-

кой. Полки, которые я собственноручно застилала кружевными салфетками, чтобы выгоднее оттенить яркие бутоны, сиротливо поблескивали пустотой. В высоких напольных вазах из литальянского стекла, купленных мною по случаю на аукционе в лучшие времена, торчало лишь по паре чахлых веток эвкалипта, да и те уже начали желтеть. Ведра с живыми цветами, которые я каждое утро встречала с трепетом, выбирая самые свежие на рынке, теперь почти опустели: несколько тюльпанов понурили головки, да жалкая горстка хризантем теснилась в углу, напоминая ярким своим нарядом о прежнем разноцветье.

Грусть, тяжелая и липкая, как уличный туман, подступила к горлу. Шесть месяцев. Полгода я, Анастасия Сергеевна Верская (урожденная Кнауф, но об этом здесь, в Павлобурге, знают немногие, да и те, кто знает, предпочитают не вспоминать), пыталась построить новую жизнь. Тихую, честную, скромную жизнь, о которой мечтала долгими вечерами, сидя в своей съемной комнате в провинции с керосиновой лампой и учебниками франкийского. Я так хотела доказать самой себе и всему свету, что я — не просто «дочка того самого проклятущего душегуба Кнауфа». Что я умею создавать красоту, а не разрушать судьбы.

И что же? Лавка моя, которую я называла не иначе как своим детищем, стояла передо мной в убогом запустении, укоряя меня за самонадеянность. Запах цветов, ещё на днях казавшийся мне сладким и благородным, сегодня отдавал гнильцой. Я подошла к одному из горшков с геранью на подоконнике, провела пальцем по сухой, потрескавшейся земле. Полить бы надо. Да и все надо поливать. Но руки опускались. К чему эта суета, если вскоре, возможно, мне придется закрыть дверь моей дорогой «Фиалки» навсегда?

Ноги сами принесли меня в подсобную комнатенку, где стоял маленький письменный стол. Я опустилась на жесткий стул и закрыла глаза. И тотчас же, словно по заказу, перед внутренним взором всплыла совсем другая картина — воспоминания, от которых по спине пробежал неприятный холодок.

Глава 2

То было три дня назад. Я выходила из лавки, усталая после неудачного дня (госпожа Хованская, моя постоянная покупательница, вновь отложила оплату букета для дочери), и у подъезда меня уже поджидал господин Спиридонов, мой домовладелец.

Спиридонов, Егор Ильич, был из новых купцов, из тех, что сколотили состояние на новомодных механизмах, которые так любят у нас в Рослевии, и теперь скупали доходные дома на окраинах Павлобурга. Толстый, с мясистым носом и масляными, цепкими глазками, он одевался в дорогие, но безвкусные сюртуки, а говорил с тем особым, холуйским оттенком превосходства, который так любят нувориши, почувствовавшие власть над обедневшими, но благородными.

— Анастасия Сергеевна! — закричал он мне ещё издали, перекрывая шум проезжающего омнибуса. — А я к вам! Лёгка на помине!

Я вздохнула и замедлила шаг. Разговор с ним никогда не предвещал ничего хорошего.

— Здравствуйте, Егор Ильич, — сухо ответила я, приподнимая вуалетку.



— Здрасти-здрасти, — он подошел вплотную, бесцеремонно разглядывая меня. — А я всё думаю, как там наша голубушка поживает? Как цветочки её? Не завяли?

— Вашими молитвами, все хорошо, — солгала я, глядя ему прямо в глаза. Ложь далась мне трудно, я вообще была плохой лгуньей, но показывать слабость этому человеку было нельзя. — Вы по делу, Егор Ильич?

— По делу, матушка, по делу, — он потер пухлые ладони. — Вы, это насчет моих слов подумали? Срок-то послезавтра.

— Я помню, Егор Ильич. Как и о том, что мы договаривались о прежней цене на аренду помещения ещё на год.

Тут лицо его переменялось. Масляные глазки стали колючими, а голос утратил приторную сладость.

— Договаривались, говорите? А бумага где? В договоре, милая барышня, черным по белому писано: арендная плата может быть пересмотрена через полгода. Рыночная стоимость, знаете ли, растет. Вон, купец Караваев за соседнее помещение сколько дает! А у вас там... — он пренебрежительно кивнул в сторону, — цветочки, благотворительность одна. Не солидное дело это.

Мне стало душно. Я прекрасно понимала, что он прав по букве договора, как бы ни был низок его поступок по сути.

— Егор Ильич, я прошу вас, войдите в положение, — сказала я как можно спокойнее, хотя внутри всё кипело. — Вы же знаете, торговля только налаживается. Такое повышение, в полтора раза это разорительно для меня.

— А мне-то что за печаль? — осклабился он. — Вы, Анастасия Сергеевна, барышня образованная, из благородных, должны понимать: я человек коммерческий. У меня капитал в деле. Не заплатите — освобождайте помещение. На ваше место очередь стоит. Вон, тот же Караваев табачную лавку хочет открыть. Господин с деньгами, не чета некоторым.

Я молчала, чувствуя, как краска стыда и бессилия заливают щеки. Разговаривать с ним на равных было невозможно.

— Да вы не тушуйтесь, — вдруг сменил он тон, вновь становясь «добреньким». — Могу и отсрочку дать. Все ж таки понимаю ситуацию. Но цену, матушка, цену я подниму. Это уж как пить дать.

Он противно подмигнул и, не прощаясь, зашагал прочь, оставив меня стоять на тротуаре под начинающимся дождем.

Глава 3

Я открыла глаза. Воспоминание было до того ярким, что я на мгновение вновь ощутила тот липкий страх и унижение. Подсобка моя показалась мне клеткой. Я посмотрела на стопку неоплаченных счетов, лежащих на столе, на конверт с отказом от свадебного заказа (пятьдесят рублей! целое состояние!), и острая, как нож, мысль пронзила сознание: я на краю пропасти.

Все, что я копила годами, давая уроки в провинции, отказывая себе во всем, — все ушло. Растаяло, как дым, за эти полгода. Лавка не приносила дохода, она лишь пожирала деньги. А теперь ещё и этот Спиридонов со своей удавкой.

Я встала и подошла к небольшому, мутноватому зеркалу, висевшему на стене. Из него на меня глянула женщина с бледным, осунувшимся лицом и темными кругами под глазами. В этом лице, обрамленном золотисто-русыми, чуть выющимися волосами, убранными в скромную прическу, не осталось и следа от бывлой беззаботной барышни Асеньки Кнауф. Та Ася, что выезжала на балы в отцовском паромобиле, что танцевала мазурку с блестящими офицерами и мечтала о безоблачном счастье, — та Ася умерла давно, в тот самый день, когда жандармы пришли в наш дом.

Перед глазами вновь встала картина, которую я гнала от себя годами. Огромная столовая в нашем особняке на Царской набережной. Хрустальная люстра, отражающаяся в полированном столе красного дерева. И отец. Он сидел во главе стола, осунувшийся, с серым лицом, и комкал в руках какую-то бумагу. Мачеха, застывшая у дверей с побелевшими губами. А потом — крики, топот сапог, грубые руки, рвущие бархатные портьеры, опрокинутый граммофон, а потом и ваза, брызги воды на паркете. И взгляды. Эти полные ненависти и презрения взгляды людей, которых мы считали друзьями, знакомыми, партнерами. Они смотрели на меня, семнадцатилетнюю барышню, так, словно это я лично украли их деньги. Клеймо дочери мошенника оказалось страшнее любого каторжного клейма. Оно жгло совесть, самую душу, каждую клеточку существа.

Имущество семьи описали судебные приставы. Все, что наживалось годами, — дом, картины, паромобили, драгоценности, артефакты, — ушло с молотка. Ушло, чтобы хоть малой толикой покрыть те чудовищные долги, что оставил после себя отец. Я не знаю, как он, банкир, уважаемый человек, мог пойти на такую аферу с векселями. Как мог разорить столько семей — вдов, сирот, купцов, доверивших ему свои сбережения. Для меня это навсегда осталось загадкой. Помню только его яростный взгляд, когда его уводили под конвоем. Он умер на каторге через год, так и не признав себя виноватым. Мачеха упорхнула куда-то почти сразу же после ареста. Это была третья жена отца, мы не были с ней близки, и я не озаботилась узнать, какие у нее планы на будущее. Тем более мое собственное будущее тогда представлялось мне в крайне туманном свете.

Я осталась одна. С фамилией, ставшей синонимом предательства и мошенничества. Едва дождавшись наступления совершеннолетия, я была вынуждена сменить фамилию на девичью бабушкину — Верская. И уехать. Бежать из столицы, из этого роскошного, жестокого Павлобурга, где каждый камень напоминал о падении, а каждое знакомое лицо норовило отвернуться или плюнуть вслед.

Я поселилась в провинции, в захолустном городке N. Там меня никто не знал. Я стала давать уроки музыки и франкийского детям местного бомонда — градоправителя, городского хирурга, смотрителя паромеханического училища. Жила бедно, тихо, замкнуто. Мечты о цветах, о своем маленьком, уютном мире, где не будет места лжи и предательству, грели мне душу в те долгие, однообразные вечера. Я копила. Рубль к рублю. Отказывала себе во всем. Но никогда бы не нашла в себе смелости вернуться в Павлобург если бы не Филипп, мой сводный брат, который отыскал меня в провинции и уговорил так поступить.

Какая же глупая самонадеянность! Я думала, что восемь лет отсутствия что-то изменили, что в огромном столичном городе можно затеряться, начать всё с нуля. Но память людская оказалась длиннее и злее, чем я предполагала. Иногда стоило кому-то из купчих или чиновниц, заходящих в лавку, всмотреться в мое лицо, как в их взгляде проскальзывало узнавание. Не всегда явное, но осязаемое. За спиной шептались. Порой крупные заказы, как тот, на свадьбу, отменяли в последний момент без внятных причин. Я чувствовала себя прокаженной.

Я отошла от зеркала, чувствуя противную дрожь в коленях. Круг замкнулся. Прошлое настигло меня и здесь, в моей жалкой «Фиалке», и душило за горло. Спиридонов — лишь вершина айсберга. Истинная причина моего краха — не его жадность, а мое имя. Вернее, то имя, которое я носила когда-то и которое, как проклятие, прилипло ко мне навсегда.

Я села за стол, обхватив голову руками. Что делать? Просить займы? У кого? Все, кто имел капиталы — были из прошлой жизни, а теперь притворялись, что видят меня впервые.

Филипп предлагал дать денег, но я не могла себе позволить обременять его — у него была невеста, Елена, они собирались играть свадьбу, присматривали себе дом. Нет, решительно невозможно одалживаться у них. Брат и так сделал для меня не мало, хотя не был обязан.

Снова идти в гувернантки? Меня никто не возьмет в приличный дом в столице. Остается одно — признать поражение. Закрыть лавку. Распродать остатки цветов и имеющиеся артефакты за бесценок и И что? Снова ехать в провинцию? Доживать век в нищете и неизвестности, зализывая раны?

Мысль эта была столь горька, столь невыносима, что я застонала вслух. Нет! Не для того я столько терпела, не для того хоронила себя заживо, чтобы сейчас сдаться! Я должна найти выход. Я просто обязана его найти.

Глядя на пустые полки, вспоминая наглую физиономию Спиридонова и горькие слезы Фени, я вдруг поняла, что у меня имеется один шанс. Одна возможность. Та, мысль о которой я гнала прочь все эти месяцы — слишком унижительно. Но видно, все же придется поступиться гордостью, которая в теперешнем моем положении — непозволительная роскошь.

Сердце колотилось где-то у горла, мешая мыслить трезво. Я подошла к окну. Дождь почти перестал, и сквозь рваные тучи пробился одинокий, бледный луч заходящего солнца. Он упал на витрину, осветив пыль на стекле и жалкие, поникшие головки последних тюльпанов. Свет этот не грел, но он словно указывал путь. Путь во тьму? Или к свету? Я не знала.

За окном, в сгущающихся сумерках Павлобурга, зажигались первые огни газовых фонарей. Город жил своей привычной, равнодушной жизнью, не замечая меня, стоящей на краю пропасти и делающей шаг в пустоту.

Глава 4

С Марией Турчаниновой мы были дружны в те времена, когда я ещё была Асей Кнауф, дочерью богатейшего банкира, и выезжала в свет. Мари была старше меня на три года, но это не помешало нашей нежной привязанности. Она, при всей своей взбалмошности, отличалась редким здравомыслием и добротой, не чета многим другим пустым светским кокеткам.

Помню, как на одном из балов, когда какой-то молодой хлыщ позволил себе двусмысленность в мой адрес, именно Мари, не повышая голоса, так отчитала, что бедняга готов был сквозь землю провалиться.

— Вы, сударь, кажется, забываете, с кем говорите, — произнесла она тогда ледяным тоном, и я была ей бесконечно благодарна.

После краха отца, в те страшные дни, когда рушился мой мир, посыльный из отделения пневмопочты принес мне коротенькую, но пронзительную записку. От Мари.

«Ася, я скорблю вместе с тобой. Если буду нужна — я здесь».

Но что я могла ей ответить? Прийти к ней, сияющей светской львице, в моем траурном платье, с клеймом дочери каторжника? Я промолчала. А потом уехала в провинцию, и связь наша оборвалась. Вернувшись, я, конечно же, не посмела показать ей на глаза. Зачем беречь прошлое? Но теперь, сидя в «Фиалке» и перебирая жалкие гроши в кошельке, я вдруг подумала: а ведь Мари, говорят, вышла замуж. За князя Оболенского, человека известного в Павлобурге не столько знатностью рода (хотя и род его древний), сколько умом и состоянием. Он служит по министерству иностранных дел, кажется, имеет высокий чин. Живут они, разумеется, в собственном особняке на Навьском проспекте. Мари теперь — княгиня Оболенская, одна из тех, кто вершит судьбы великосветских приемов и балов. И если кто-то и может подать мне совет, протянуть руку помощи — то только она. Если, конечно, согласится принять такую голодранку.

Мысль эта, едва родившись, показалась мне столь дерзкой, что я даже засмеялась невеселым смехом. Я, нищая цветочница с запятнанным именем, собираюсь нанести визит особе, стоящей на самой вершине павлобургского света? Это было безумием чистой воды. Но других идей у меня не осталось.

Я решилась в одно мгновение, как бросаются в холодную воду, понимая, что медлить нельзя — страх одолеет.

Наутро я надела свое лучшее платье — жемчужно-серое, шерстяное, строгого покроя, без единой кружевной оборки, купленное ещё три года назад и хранимое для самых особых случаев. Шляпку с короткой вуалеткой, которую я подновила сама, подкрасив выцветшие ленты чернилами. Перчатки, правда, были штопанные в двух местах, но на руках под ридикюлем этого почти не было видно. Окинув себя в зеркале критическим взглядом, я нашла, что выгляжу хоть и бедно, но прилично. Вполне похожу на благородную, обедневшую вдову или старую деву, коих много в Павлобурге. Что ж, пусть так.

На omnibus я не пошла — берегла каждый рубль. Дорога от Малой Речной до Навьского проспекта была неблизкой, но я решила пройти пешком, благо день выдался на удивление погожий: солнце, прорвавшись сквозь тучи, золотило лужи на мостовой, и город, казалось, улыбался мне в ответ на мою дерзость.

Чем ближе я подходила к знакомым с детства местам, тем сильнее колотилось сердце. Вот она, Царская набережная. Гранит, чугунные решетки, особняки, глядящие на свинцовую воду фасадами с колоннами. Я остановилась напротив, переводя дыхание.. Вот и дом Оболенских, светло-желтый, с белоснежными пилястрами и изящными скульптурами в нишах. Я поднялась по ступеням, чувствуя, как дрожат колени, и нажала изящную латунную кнопку новомодного пневмо-звонка.



В глубине особняка раздался характерный свист, и вскоре дверь открыл швейцар в ливрее, эдакий рослый детинушка с бакенбардами. Он оглядел меня с ног до головы взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Таких визитерш, в дешевых шляпках и штопаных перчатках, здесь, вероятно, не жаловали.

— Вам кого, сударыня? — спросил он, и в голосе его ясно читалось желание спроводить меня немедленно, не заставляя господ беспокоиться.

— Мне нужно видеть княгиню Оболенскую, Марию Дмитриевну, — сказала я как можно тверже, глядя ему прямо в глаза. — Доложите: подруга юности, Анастасия Сергеевна Ве — Я замялась, а потом все же решилась и твердым голосом закончила: — Анастасия Сергеевна Кнауф.

Он помедлил, снова окинул меня взглядом, но что-то, видимо, в моем лице или в моем тоне (привычка повелевать, которую не до конца истребила нужда?) заставило его передумать.

— Обождите-с, — буркнул он, принял мою карточку и скрылся за тяжелой дубовой дверью.

Я осталась стоять на крыльце, вцепившись в ридикюль так, что побелели костяшки пальцев. От нервного ожидания я начала было щёлкать застёжкой-замком, но затем одернула себя — хрупкий артефакт мог и сломаться. Минуты ожидания показались мне вечностью. Я уже приготовилась к самому худшему — к тому, что лакей вернется с высокомерным отказом: «Княгиня не принимают-с». И что тогда? Куда идти? Собирать чемоданы?

Но дверь распахнулась, и швейцар, уже с совсем иным выражением на лице — почти-тельным, но с оттенком недоумения — произнес:

— Пожалуйста, сударыня. Княгиня просят Вас в гостиную.

Я переступила порог. Сердце мое колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Глава 5

В вестибюле пахло дорогими духами и воском. Высокие пальмы в кадках, мраморная лестница, уходящая наверх, портреты предков в тяжелых золоченых рамах. Все это было до мучительного знакомо и в то же время казалось чуждым, принадлежащим какой-то другой жизни, которую я потеряла навсегда.

Лакей провел меня в небольшую гостиную, обставленную с тем изысканным вкусом, который отличает истинных аристократов от купчиков вроде Спиридонова. Мебель красного дерева с бронзой, штофные обои нежно-оливкового цвета, на стенах — акварели и небольшие пастели, на столике — раскрытый альбом с рисунками. На стенах витые газовые рожки для освещения — судя по всему Оболенские не чурались прогресса. Газовое освещение лишь недавно обустроили на избранных проспектах Павлобурга, и лишь немногие могли себе позволить его в жилых домах. И дорого, и хлопотно — предпочитали по старинке свечи да керосинки.

Я едва успела осмотреться, как дверь отворилась, и вошла Мари.

На миг я ее не узнала. Передо мной стояла не та стройная, порывистая девушка, с которой мы когда-то шептались на балах, обсуждая наряды и кавалеров. Это была статная, уверенная в себе дама, с прической *à la grecque*, уложенной высоко и открывающей прекрасный лоб, в платье из тяжелого шелка темно-бордового цвета, которое сидело на ней словно вторая кожа. Но глаза — большие, серые, с искоркой живого ума — остались теми же. И в них, когда она взглянула на меня, не было ни холодности, ни высокомерия. Было удивление, радость и какая-то тревога.

— Ася? — тихо спросила она, делая шаг ко мне. — Бог мой, Ася, это в самом деле ты?

Я присела в глубоком реверансе, как того требовал этикет, но она порывисто подошла, взяла меня за руки и подняла.



— Полно, полно! Какие церемонии между нами! — воскликнула она, вглядываясь в мое лицо. — Дай же на тебя посмотреть! Господи, как ты изменилась похудела, осунулась Но глаза те же. Глаза твои я узнала бы из тысячи.

Она обняла меня, и я, не выдержав, прижалась к ее плечу, чувствуя, как к горлу подступают слезы. Восемь лет одиночества, унижений, страха — всё это разом нахлынуло, и я не могла совладать с собой.

— Ну, ну, голубушка, полно, — шептала Мари, глядя меня по спине, словно маленькую. — Садись, рассказывай. Я велела подать чаю.

Она усадила меня на маленький диванчик, сама села рядом в кресло, не отпуская моей руки. В дверях бесшумно появился лакей с серебряным подносом, уставленным чашками тончайшего фарфора и вазочками с печеньем. Мари налила чай сама, добавила сливок, пододвинула ко мне.

— Пей. Согрейся. И рассказывай всё. Как ты? Где была? Почему не давала о себе знать?

Я отпила глоток. Чай был восхитительный, горячий, с тонким ароматом бергамота. Вкус этот, казалось, вернул меня в прошлое, в те времена, когда мы вот так же пили чай у нас дома, в гостиной мачехи.

— Все эти годы я провела в провинции, Мари, — начала я, стараясь говорить спокойно. — В городишке N, за тысячу верст отсюда. Давала уроки. Музыка, франкийского. Всякого понемногу.

— Уроки? Ты? — в глазах Мари мелькнуло искреннее сострадание. — Бог мой, Ася

— А что мне оставалось? — усмехнулась я горько. — После того, что случилось ты знаешь. Все отвернулись. Имущество описано. Отец на каторге, мачеха

Мари стиснула мою руку.

— Я знаю, Ася. Всё знаю. Я писала тебе тогда, но ты не ответила.

— Я не могла, Мари. Понимаешь? Не могла. Я была я была словно прокаженная. Мне казалось, что мое присутствие осквернит тебя, бросит тень на твою семью. Мария Турчанинова, водящая знакомство с дочерью каторжника! Об этом только и мечтали наши добрые знакомые, чтобы посудачить в свое удовольствие. Да и потом — я порывисто вздохнула, — господи, как же мне было стыдно! Я и подумать не могла, что отец промышляет подобным. Какая наивность!

— Глупости, — отрезала Мари с той властью, которая, видимо, всегда была ей свойственна, но теперь окрепла. — Наши «добрые знакомые» всегда найдут, о чем посудачить. А я сама решаю, с кем мне дружить. И я никогда, слышишь, никогда не верила в то, что ты имеешь хоть какое-то отношение к афёрам твоего отца. Ты была ребенком. Ты ни в чем не виновата.

Слова её падали на мое измученное сердце, как бальзам. Я не ожидала такого понимания. В свете, где вина переходит по крови, где пятно на репутации отца навсегда клеймит детей, её позиция была не просто редкой — она была уникальной.

— Спасибо тебе, Мари, — прошептала я. — Ты даже не представляешь, как много для меня значат эти слова.

— Брось, — отмахнулась она. — Лучше расскажи, когда и зачем ты вернулась в Павлобург? И чем живешь теперь?

Я глубоко вздохнула. Вот оно — мгновение истины. Сейчас или никогда.

— Я открыла цветочную лавку, Мари. На Малой Речной. Называется «Фиалка».

Мари удивленно подняла брови.

— Лавку? Сама?

— Сама. Это была моя мечта, ещё с детства. Помнишь, как я вечно возилась с цветами в оранжерее у отца? Я думала я надеялась, что смогу начать новую жизнь. Тихую, честную. Своими руками.

— Что ж, это благородно, — кивнула Мари. — И как идут дела?

Я опустила глаза. Говорить о своих неудачах было мучительно больно, особенно здесь, в этой роскошной гостиной, где каждая безделушка стоила годового оборота моей лавки.

— Плохо, Мари. Очень плохо. Торговля едва дышит. Домовладелец поднял аренду в полтора раза, а крупный заказ на свадебное убранство отменили в последний момент. Мне пришлось рассчитать единственную помощницу. Если ничего не изменится в ближайшие дни, я разорена.

Мари слушала внимательно, не перебивая, лишь морщинка пролегла у неё между бровей.

— Так ты пришла ко мне просить денег? — спросила она прямо, без обиняков.

Глава 6

Я покачнулась. Сказать «да» значило упасть в собственных глазах ещё ниже. Сказать «нет» — значило солгать.

— Я пришла к тебе за советом, Мари, — ответила я честно. — Денег я просить не смею. И не возьму, даже если ты предложишь. Я должна справиться сама. Но мне нужен совет человека, который знает этот город и этих людей лучше, чем я. Меня слишком давно не было, и я уже ничего не понимаю в столичной жизни.

Мари откинулась на спинку кресла и задумчиво посмотрела на меня. В её взгляде появилось что-то новое — уважение, смешанное с любопытством.

— Ты изменилась, Ася, — сказала она наконец. — Раньше ты была мягче, уступчивее. Не могла слово против сказать никому, а в особенности отцу. А теперь в тебе появился стержень. Это хорошо. Это то, что поможет проторить свой путь.

Она помолчала, обмахиваясь веером (в гостиной было тепло от камина), а потом вдруг подалась вперед, и глаза её загорелись азартным блеском.

— Слушай, Ася. У меня есть мысль. Ты сказала — цветочная лавка. А ты когда-нибудь думала не просто торговать цветами, а украшать ими приемы? Балы? Великосветские собрания?

Я опешила.

— Украшать? То есть брать заказы на оформление? Но у всех свои оранжереи, гостиные украшают собственными цветами.

— Именно! — Мари встала и прошлась по комнате, жестикулируя с тем воодушевлением, которое я помнила в ней ещё с юности, когда она затевала очередную шалость. — Собственными цветами, которые собирают в букеты горничные. А они в этом совершенно ничего не понимают! Послушай, сейчас это становится ужасно модным за границей. Во Франкии, в Литальянции, даже в раздраемой интригами Вастрии сейчас есть специальные цветочники, которых приглашают для убранства залов. Флористы — так их называют — создают целые композиции, гирлянды, букеты не просто для дам, а для украшения столов, стен, арок! Это совсем иной уровень, понимаешь? Это искусство.

— Но где же мне — начала я, потрясенная самой идеей.

— погоди, дай договорить! — перебила Мари. — Я к тому, что в Павлобурге этим почти никто не занимается по-настоящему. Купцы, конечно, натаскивают охапки цветов из садов, но это безвкусица. А настоящий свет, тонкие ценители им нужен изыск.

Она остановилась напротив меня.

— Ты, Ася, художница в душе. Ты всегда такой была. Помню, как ты на мои именины сплела венок из полевых цветов — все ахали, думали, из самого Пираижа выписан. У тебя есть вкус, есть чутье.

— Но для таких заказов нужны связи, — возразила я, чувствуя, как внутри загорается робкая искорка надежды, которую я тут же пыталась погасить рассудком. — Нужно, чтобы кто-то узнал о тебе, пригласил, доверился

— Вот именно! — Мари подошла и села на подлокотник моего дивана, понизив голос до заговорщического шепота. — А теперь слушай внимательно. Это секрет, но тебе я скажу. Мой муж, князь Оболенский, на днях получил приглашение. Очень важное. В грядущем месяце будет большой прием, который устраивают банкиры из новоорганизованного финансового траста. «Суворов и К°» называется. Ты, наверное, слышала? Они сейчас скупают акции железных дорог по всей Рослевии, и о них все говорят.

Я покачала головой. До меня доходили лишь отголоски столичных новостей.

— Не слышала? Ну так вот, — продолжала Мари. — Это люди нового склада. Не чопорные аристократы, а дельцы, поднявшиеся на волне прогресса — в купленных предприятиях они внедряют всякие паромеханические новшества. Но они — торгаши, и очень хотят войти в высший свет, понимаешь? Им нужен блеск, нужна репутация. Поэтому они решили устроить прием, какого Павлобург ещё не видел. С размахом, с шиком, но со вкусом. И для этого они ищут лучших. Лучших поваров, лучших музыкантов и лучших флористов.

Она выдержала паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Если решишься, я могу могу похлопотать о том, чтобы тебя пригласили на встречу с секретарем правления этого траста. Человеком, который занимается организацией приема.

У меня перехватило дыхание. Предложение было столь грандиозным, что я не сразу нашлась, что ответить.

— Но Мари, побойся Бога! Кто я такая? Цветочница без имени, без связей, без рекомендаций. Они же меня и слушать не станут!

— Станут, если я скажу, что ты — моя давняя подруга, дочь Сергея Кнауфа, того самого, — твердо ответила Мари.

Я вздрогнула, словно от пощечины.

— Ты с ума сошла! Это имя — проклятие! Как только его услышат, меня выгонят вон!

— А вот тут ты ошибаешься, моя милая, — улыбнулась Мари загадочно. — Для старой аристократии и простого люда — да, имя Кнауф звучит как красная тряпка для быка. Но для этих нуворишей, для траста «Суворов и К°», основанного на заграничных капиталах? Они, возможно, и сами сколотили состояние на таких аферах, рядом с которыми дела твоего отца покажутся детской шалостью. Они не будут тебя презирать за отца. Напротив, они могут увидеть в этом пикантность. Понимаешь? Ты для них будешь «своей», человеком из того же мира, где деньги делаются быстро и не всегда чисто. Это цинично, Ася, но это правда. Но, конечно, на карточках не нужно писать «Кнауф». Пусть будет как прежде: Анастасия Верская, цветочная лавка «Фиалка», Малая Речная улица.

Я молчала, переваривая услышанное. В словах Мари была своя, пугающая логика. Мир, в который она меня звала, был миром хищников, где о прошлом судят не по моральным меркам, а по практической пользе.

— Но даже если они согласятся меня выслушать, — произнесла я наконец, — что я им предложу? У меня нет ни помощников, ни капитала, чтобы закупить цветы для огромного мероприятия.

— А вот это, *ma chere*, уже твоя забота, — рассмеялась Мари. — Моё дело — свести тебя с нужным человеком. А уж как ты его убедишь — это твой талант. Думай, Ася, думай! Такие возможности выпадают раз в жизни. Если ты справишься, это будет твой звездный час. «Фиалка» твоя сможет прогреметь на весь Павлобург. И тогда никакой Спиридонов тебе будет не страшен. Напротив, он сам будет умолять тебя остаться в его доме, чтобы прославиться твоей славой.

Я смотрела на Мари и чувствовала, как в груди разгорается пламя. Пламя надежды, почти погасшее, но теперь вспыхнувшее с новой силой. Она верила в меня.

— Мари — начала я, и голос мой дрогнул. — Я не знаю, как тебя благодарить

— И не благодари, — отрезала она, вставая. — Ты бы для меня сделала то же самое. Мы, дамы, должны держаться друг за друга в этом мужском мире. А теперь дай мне неделю. Я поговорю с князем, он замолвит словечко. У него есть выход на того секретаря. Я все устрою и дам тебе знать. Ты только будь готова. И Ася?

— Да?

— Приоденься перед встречей. Не обижайся, но в этом платье ты на секретаря правления финансового траста впечатления не произведешь. У них глаз наметан на дорогие вещи. Я тебе

дам немного денег, не спорь! Это не подачка, это дружеский подарок на все именины, которые я пропустила за эти годы.

Она сказала это так решительно, что спорить было бесполезно. Да я и не хотела спорить. Впервые за долгие месяцы я почувствовала, что не одна. Что есть плечо, на которое можно опереться.

Мы проговорили с Мари ещё около часа. Она расспрашивала о моей жизни в провинции, я — о её замужестве, о светских новостях. Оказалось, что многие из наших общих знакомых либо разорились, либо уехали за границу, либо умерли. Время не щадило никого. Когда я, наконец, собралась уходить, Мари проводила меня до дверей гостиной и, на прощание, снова взяла за руку.

— Держись, Ася. Я верю в тебя. И помни: после самых темных туч солнце сияет особенно ярко.

Я вышла на набережную, и свежий ветер с Нави ударил в лицо. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая шпили и купола Павлобурга в розовато-золотистые тона. Город, ещё утром казавшийся мне враждебным и чужим, вдруг показался полным надежд. Я шла по гранитным плитам, и сердце моё билось ровно и сильно, словно обрело второе дыхание.

Глава 7

Приемная правления траста «Суворов и К°» поражала воображение. Высоченные потолки с лепниной, стены, обитые тисненой кожей оливкового цвета, тяжелые портьеры из бордового бархата, перехваченные золотыми шнурами. И свет — ровный, спокойный, льющийся из огромных, в полстены, окон, за которыми открывалась широкая, серая, неприветливая гладь реки Нави.

Я сидела на краешке жесткого стула с высокой резной спинкой, вцепившись в ручку большой плетеной корзины, что стояла на коленях. В корзине, бережно укутанная плотной тканью и тонкой папиросной бумагой, покоилась моя гордость — пробная цветочная композиция. Белые розы, нежные, словно облака, и сине-фиолетовые головки коростовника, который в народе зовут бедняцкой травой, но в умелых руках он обретает благородство чертополоха на старинных гравюрах. Я провозилась с этой композицией всю ночь, перебирая каждый лепесток, каждую веточку, стараясь достичь того совершенства, что могло бы поразить даже самых взыскательных ценителей.



Платье на мне было новым. Вернее, старым платьем Мари, которое она передала мне со словами: «Перешей под свой рост, тебе нужнее». Темно-синий шелк, чуть тронутый временем, но всё ещё благородный, я перекроила по своей фигуре, убрала излишние кружева, добавила строгий белый воротничок. В зеркале подсобки я показалась себе почти приличной дамой, и это придало мне смелости. Теперь же, в этой величественной приемной, я вновь почувствовала себя самозванкой.

Сердце мое колотилось где-то у горла. Я смотрела на серую воду Нави, на проплывающие мимо баржи, на противоположный берег с его особняками и шпилями, и не видела ничего. Мысли путались. Мари сделала невозможное — она выхлопотала мне встречу с секретарем правления, неким Викентием Петровичем. От этой встречи зависело всё. Если я сумею убедить его, если моя работа придется ему по вкусу — быть может, мне доверят украшение того

самого приема. Тогда долги будут выплачены, лавка спасена, а на прошлое мое, быть может, предпочтут закрывать глаза.

Я взглянула на корзину. Розы, даже сквозь бумагу, источали тонкий, чуть горьковатый аромат.

«Только бы понравились», — подумала я с отчаянием.

Дверь в приемную бесшумно отворилась, и на пороге возник тот самый лакей что прежде проводил меня сюда — вышколенный, в безупречной ливрее, с лицом, не выражающим ровно никаких эмоций.

— Сударыня, — произнес он с легким поклоном. — Господин директор просят Вас пожаловать в кабинет-с.

Я вздрогнула и поднялась, одергивая юбку.

— Директор? Но я ожидала встречи с Викентием Петровичем, секретарем правления, — пролепетала я, чувствуя, как внутри всё холодеет от неожиданности.

— Распоряжение господина директора, — невозмутимо ответил лакей. — Господин секретарь не сможет вас принять, он в отъезде-с. Но вас изволит послушать лично один из директоров траста. Однако время у Вас ограничено — всего пять минут-с. Прошу следовать за мной.

Пять минут. Всего пять минут, чтобы решить мою судьбу. Я судорожно схватила корзину с цветами и, стараясь не дрожать, пошла за лакеем. Коридор, по которому мы следовали, казался бесконечным. Миновав несколько дверей, лакей остановился у высокой двустворчатой двери из темного дуба, обитой бронзой, и, приоткрыв её, объявил:

— Госпожа Верская, ваше превосходительство.

Я перешагнула порог и замерла.

Кабинет был огромен. Настолько огромен, что в первое мгновение я увидела лишь темные панели стен, высокие шкафы с книгами, тяжелую люстру под потолком и огромный письменный стол красного дерева, за которым вырисовывался силуэт человека. Человек этот сидел спиной к свету, льющийся из такого же огромного окна, и лица его было не разобрать.

— Подойдите, сударыня, — раздался низкий, чуть насмешливый голос. — Не стесняйтесь. Время, как вам уже сообщили, дорого.

Я сделала несколько шагов вперед, сжимая корзину так, что пальцы онемели. Свет из окна бил мне в глаза, но по мере приближения черты сидящего прояснялись. Темные волосы, гладко зачесанные назад. Широкие плечи, облеченные в безупречный сюртук. Рука с перстнем на пальце, лениво перебирающая листы бумаги.

И вдруг он чуть повернул голову, свет упал по иному, и я увидела его лицо.

Мир покачнулся. Корзина едва не выпала из ослабевших рук. Сердце мое сначала остановилось, а потом забилось с такой бешеной силой, что, казалось, его стук слышен во всем Павлобурге.

Эти янтарно-желтые глаза с вытянутыми зрачками. Этот твердый, чуть хищный абрис губ. Эта прямая линия носа. Восемь лет я гнала от себя эти черты, восемь лет молила Господа стереть их из моей памяти — все напрасно. И вот их обладатель стоял точнее сидел передо мной во плоти. Возмужавший, затвердевший, словно высеченный из камня.

Конрад Фишер.

Тот самый Конрад, с которым мы когда-то, безумно и чисто, были влюблены друг в друга. Сын вострийского инженера, погибшего во время очередного переворота в этом вечно бурлившем княжестве. Им с матерью пришлось бросить все и бежать в Павлобург, начинать с низов — и Конрад не гнушался ни учиться, ни браться за любую работу. Мой отец, мечтавший породниться с аристократией, и слышать не хотел о нашем браке.

«Нищий вострийский авантюрист! — кричал он. — Что он может дать тебе, кроме своих жалких амбиций? У него нет даже мало мальского титула. Ему нужны лишь мои финансы!»

А я, глупая, наивная девочка, не посмела послушаться. Я позволила страху перед отцом, перед мнением света, перед потерей привычного комфорта пересилить мою любовь. Я разбила ему сердце. И своё заодно.

Конрад уехал из Павлобурга в тот же год, как мне пришлось отказать ему. И слухи о нем доходили до меня смутные: говорили, он экстерном закончил Павлобургский университет, а затем знаменитую финансовую академию в Пирайже. Затем подался в коммерцию, в паромеханические подряды, в какие-то рискованные предприятия. Я молилась, чтобы у него всё сложилось, но и боялась этих молитв, ибо они будили во мне запретные чувства. А затем у меня не стало возможности следить за его судьбой — крах Сергея Кнауфа разрушил нашу семью и мою жизнь.

И вот теперь Конрад сидел передо мной. В этом кресле. В этом кабинете. Один из директоров траста «Суворов и К^о», вершитель судеб, хозяин положения. А я стояла перед ним с корзиной цветов, в перешитом платье, уничтоженная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.